

Темные воды сомкнулись над слепой графией и погребли ее в своих пучинах.

В этот момент из-за деревьев парка появился высокий мужчина. Это был Ульрих Хансен, друг детства Герды, которого сердечная тоска привела к женщине, которую он тайно и горячо любил.

Внезапно он остановился. Не слышал ли он только что полный отчаяния голос женщины, который заставил его насторожиться? Не слышал ли он плач несчастного ребенка в страхе и ужасе, громко взывающего к Богу?

Но почему же этот голос так поразил его сердце?

Он лишь смутно различил фигуру женщины вдаль, а затем услышал всплеск тела в пруд. На мгновение он замер в нерешительности, затем рванулся вперед, сорвал с себя плащ и — брызги поднялись от волн, когда он нырнул в воду.

В тот самый момент, когда несчастная всплыла на поверхность, он мгновенно подплыл к ней и схватил за плечи. Кем бы она ни была, ему сейчас было все равно; все, что его заботило, — это поскорее доставить на берег спасенную женщину. Осторожно он уложил ее на траву.

В этот момент луна, до этого момента скрывавшаяся за облаками, снова вышла, и когда ее яркий свет осветил призрачно бледное лицо молодой женщины, Ульрих в ужасе отпрянул.

— Боже ты мой, — вскричал он в ужасе, — неужели это возможно — это она, бедная слепая графиня? Неужели дело дошло до того, что она по доброй воле решила расстаться с жизнью?

Ульрих поднялся, и, хотя на его лице отражались и жалость, и гнев, он гневно воскликнул:

— В этом виноват он, тот мерзавец, который предал ее! Горе ему, если он когда-нибудь встанет у меня на пути! Я любил Герду больше всего на белом свете! А она отдала свое сердце этому негодяю!

Ульрих наклонился к несчастной женщине, и его взор остановился на ее бледном, полном к ней горячей любви.

— Если бы ты стала моей женой, любимая, я бы боготворил тебя, носил бы на руках и оберегал от всех горестей. Ты стала слепой графией — мое счастье, моя мечта, моя жизнь! Но когда ты стала женой другого, солнце погасло для меня на небе, и я выстрадал едва ли не более, чем может вытерпеть мужчина! И теперь я вижу тебя такой несчастной, такой сломленной. Но — клянусь Богом — я отомщу за причиненное тебе зло! И отныне я стану для тебя, бедная слепая женщина, защитой и помощником, чтобы больше никто не посмел причинить тебе зла!

Не показалось ли ему, что по песку раздался звук приближающихся шагов? В мгновение ока Ульрих подхватил на руки промокшую девушку на руки и поспешил с ней прочь изо всех сил.

Поскольку тропинка вела его прямо в чащу леса. Он не отдыхал ни секунды, пока наконец не оказался перед маленьким домиком, одиноко стоявшим на склоне горы, вдаль от всего мира.

Входная дверь не была заперта, он толкнул ее и на руках внес Герду в дом. Уложив ее на диван, он зажег лампу и опустил на колени рядом с неподвижно лежавшей женщиной.

Вода стекала с ее волос, намокшее платье облегло ее хрупкую фигуру. Однако он лишь с мучительной болью всматривался в бледный лик ангела, разглядел глубокую линию скорби

вокруг сомкнутых уст и мучительно вздохнул:

— Я, твой друг детства, спас тебя, я не знаю, как благодарить Небеса! Герда, милая, единственная, я с радостью отдал бы жизнь за твое счастье!

Не успел Ульрих опомниться, как его губы коснулись белого лба Герды в благоговейном порыве.

В тот же миг он услышал позади себя шаги. На пороге дома появилась старушка со светильником в руке и широко раскрытыми глазами уставилась на представшую перед ней картину.

— Мама, — вскричал Ульрих, поспешно вскакивая, — я вытянул слепую графиню из пруда и принес ее сюда! Не тревожься теперь, позаботься о ней, чтобы она сразу же пришла в себя! —

Брови старухи на мгновение сомкнулись. Но ничего не ответив, она лишь коротко кивнула головой и, когда сын удалился из комнаты, выполнила его просьбу.

Но это был отнюдь не добрый взгляд, которым она смотрела на слепую женщину. Почему судьба привела эту молодую женщину в ее дом? Почему именно Ульрих должен был найти ее? Почему даже не зажившие раны снова начали открываться? Ульрих едва мог справиться с тем, как поступила с ним эта женщина и вот она снова встает не его пути.

Юноша снова вернулся в комнату, и общими усилиями им наконец удалось вернуть к жизни потерявшую сознание женщину. Когда Герда открыла глаза, все так же слепые, ее руки тревожно металась вокруг, то и дело высовываясь из-под одеяла.

Внезапно она вскрикнула от ужаса:

— Где мое дитя, мой милый маленький Гарольд? — вскричала она душераздирающим голосом. — Смилуйтесь, отдайте мне моего любимого сыночка! О, где же он!

Всхлипывая, она замерла и протянула руки вся в слезах.

Мать и сын печально взглянули друг на друга.

Наконец Ульрих тихим успокаивающим голосом произнес:

— Ты здесь у нас, Герда, с Ульрихом Хансенем, твоим другом детства и его матерью! Не бойся за свое дитя, оно все еще в замке, и если хочешь, я принесу его тебе!

Слепая женщина застыла на месте, а затем заикаясь спросила:

— Я у вас, Ульрих? Боже мой, как я здесь оказалась?

Внезапно завеса, все еще окутывавшая ее разум, спала, и она припомнила, что произошло в тот вечер.

В тишине комнаты раздался пронзительный крик.

— Дитя мое, мое бедное дитя лежит утопленным в пруду! Я вместе с ним бросилась в воду! О, Ульрих, если бы ты только позволил мне умереть! — рыдала она вслух. — Я не смею жить, я, детоубийца! Позвольте мне уйти, — пронзительно закричала она, — позвольте мне уйти к пруду к моему дитя!

Прежде чем кто-либо смог ее задержать, она вскочила с кровати. Но еще до того, как она добралась до двери, ее сознание снова угасло.

Те шаги, которые Ульрих Хансен слышал в парке после того, как вытащил Герду из воды и уложил ее на лужайке, принадлежали Уолли. В задумчивости она шла по гравию дорожек, ярко освещенных луной, предаваясь мечтам о счастливом и прекрасном будущем.

Уже завтра женщина, вставшая на ее пути, освободит ей место! Как только Герда исчезнет, она с легкостью заставит Ганса развестись с ней, и тогда её, которую приютили из жалости, сделают хозяйкой замка! Граф, как безвольное орудие в ее руках, выполнит все ее просьбы и сделает ее своей женой. Ее пышная фигура выпрямилась во весь рост, а глаза пылали диким триумфом.

Но что это за крик, что это за звук? Не похоже ли это на плач ребенка? Она услышала его совсем рядом, со стороны пруда.

Она поторопилась к пруду, и когда она склонилась, чтобы заглянуть в заросли, окаймлявшие берег, из ее уст сорвался тихий возглас удивления.

Округленными глазами от удивления она уставилась на лежавшего перед ней ребенка, который снова расплакался.

Возможно ли это? Как этот младенец оказался здесь? Это же Гарольд, наследник замка Штайнах, дитя Герды. Она с ненавистью взглянула на маленькое существо, в то время как мысли пронеслись в голове одна за другой.

Она искала глазами по земле, и вдруг подобрала с земли какой-то предмет.

Это был шарф Герды, который соскользнул с ее плеч.

С триумфом Уолли поднял его, шипя:

— Ах, теперь мне все ясно. — Герда бросилась в пруд! Тем лучше для меня, потому что теперь ты убралась с дороги! Ха-ха-ха, — дьявольски расхохоталась она, — это был самый разумный поступок в ее жизни, потому что теперь Ганс свободен, и нам не нужно будет избавляться от нее насильно!

Глаза женщины-демона засияли гордым блеском. Теперь путь был свободен! Все препятствия, которые стояли на ее пути, остались на дне озера. Но когда ее взгляд снова упал на малыша, она пробормотала, покачав головой:

— Почему она оставила мальчика здесь? Лучше бы он последовал за ней на верную смерть, тогда бы я избавилась и от него!

Она уже наклонилась, чтобы бросить беспомощное крошечное создание в воду, как вдруг остановилась.

— Подождите-ка, это будет глупостью, ведь он наследник! Он должен остаться в живых, — прошептала она, — иначе все деньги достанутся кухне Герды! Ах, мне пришла в голову отличная идея...

Она остановилась и несколько секунд неподвижно смотрела в пустоту.

— Вот что нужно сделать! — обрадовалась она, приняв на конец решение. — Что ж, отличная идея! Теперь нужно действовать, пока никто не явился!

С этими словами она схватила малыша, завернула в халат, и так быстро, как только ее могли нести ноги, она направилась к выходу из ворот. Она остановилась перед самым дальним домиком, который находился немного в отдалении, обошла его и открыла заднюю дверь ключом, который был при ней.

На цыпочках она прокралась по темному коридору, а затем вошла в маленькую комнату, ярко освещенную лунным светом.

— Боже, помоги мне, — прошептала она, вздохнув с облегчением, — Герммина спит! Значит, она не заметит что я хочу поменять двух мальчиков. Кроме того, она еще и плохо видит, так что она ничего и не заметит!

Демоница подошла к маленькой колыбели, которая стояла рядом с кроватью старухи, вынула из нее сонного ребенка и положила в нее ребенка Герды, который на секунду заплакал, но из-за усталости тут же уснул.

Так же тихо, как и появилась, она покинула маленький домик и вышла на улицу. Теперь она быстрыми шагами направилась обратно в замок, крепко прижимая к себе малыша на руках.

— Какая удачная мысль пришла мне в голову! — ликовала она с триумфом. — Теперь мой сын всегда будет со мной! Сын Герды останется жить нищим приемным у старой Герммины, где, возможно, скоро и умрет, а мой маленький сынок однажды станет владыкой замка Штайнах!

Интересно, никто ли не заметит подмены?— Она вдруг задумалась:

— Ах, да, все младенцы похожи друг на друга! А мой сын всего то на 3 месяца старше второго, но такой маленький, что разницы в его возрасте не заметно.

Вы не можете определить разницу в возрасте! А еще у него светлые волосы, как у Гарольда! Кроме того, я постараюсь, чтобы Ганс не смог внимательно его разглядеть, так что дело в шляпе!

Затаив дыхание, она вошла в замок. В холле слуги взволнованно бросились к ней.

— Графиня исчезла! — кричали они ей. — Должно быть, она очень страдала, потому что на ее столе нашли письмо, из содержания которого ясно, что она хотела покончить с собой!

В этот момент по лестнице торопливо спускался граф, побледневший и растерянный.

— Ганс, возьми же себя в руки! Новое несчастье обрушилось на твой дом! — вскричала Уолли, очевидно, глубоко взволнованная, — — твоя несчастная жена в припадке безумия бросилась в пруд! Там я нашла это — ее шаль и — ее ребенка...

С приглушенным криком ужаса граф бросился к ней.

— Это правда? — хрипло вскричал он, с ужасом глядя на нее, — Герда умерла... А мой сын... как он оказался у пруда?

— Я не знаю, Ганс, я просто случайно проходила там мимо и услышала плач ребенка! О, ты несчастный, на тебя обрушиваются один удар за другим! Неужели твоим страданиям нет

конца!

При этом лицемерка прижала платок к глазам и заплакала самыми притворными слезами, какие только проливала.

Граф все еще стоял как парализованный от ужаса и не мог вымолвить ни слова. С его лица стекали крупные капли пота, а взгляд мрачно уставился в землю.

Его грудь тяжело поднималась, но смерть Герды потрясла его и как никогда остро напомнила ему о том стыде, который он чувствовал из-за нее. Его измена довела несчастную ослепшую женщину до самоубийства.

Воцарилась гнетущая тишина. Слуги мрачно поглядывали на Уолли, которая по-прежнему притворялась безмерно страдающей, и в глазах у всех читалось: — Ты — ее убийца!

Затем взгляд графа устремился на ребенка на руках Уолли. С приглушенным стоном он притянул его к себе; затем обратился к своим людям и хриплым голосом приказал:

— Поспешите к пруду и обыщите его до дна! Тот, кто принесет мне тело моей бедной жены, будет вознагражден!

Затем он порывисто прижал к себе малыша, вернул его в объятия Уолли и поспешил в свою комнату, где закрылся на замок.

Когда демоница осталась одна, она молниеносно опустила руку с платком, который все это время прижимала к глазам.

— Он не понял, что это не его ребенок! — прошептала она. — Теперь меня ничего не остановит! Я стану графиней Штайнах, а мой сын однажды станет законным наследником огромного состояния! Вот и настал час моего триумфа!

<http://tl.rulate.ru/book/92712/3101509>